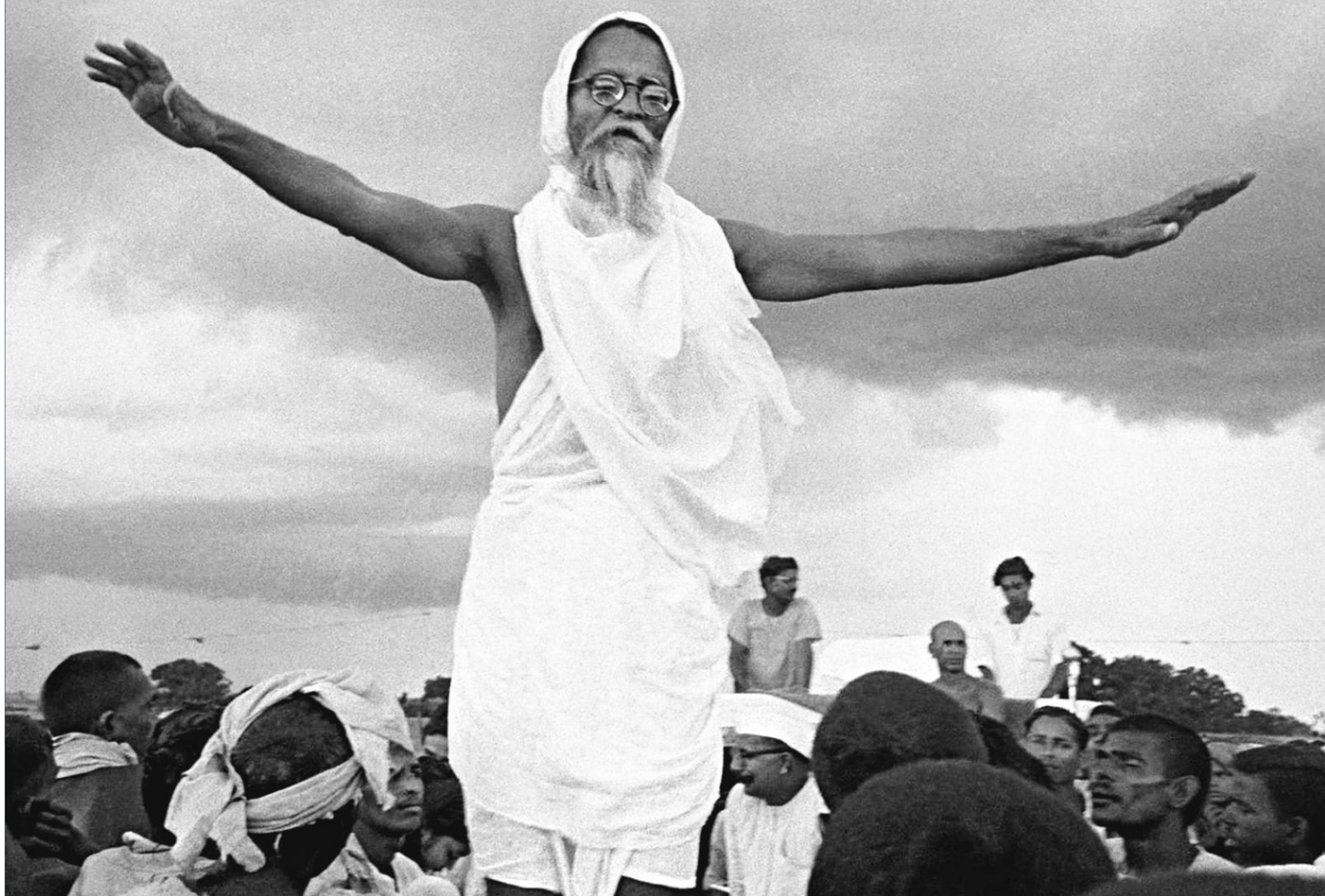

Ведомый любовью

ВОСПОМИНАНИЯ Винобы Бхаве

С ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ
МАХАТМЫ ГАНДИ

ИЖИ

Издательский Дом «Ганга»

Источники Живой Истины

**Ведомый любовью.
Воспоминания Винобы Бхаве**

«ИД Ганга»

2011

УДК 304/233.1
ББК 63/87

Ведомый любовью. Воспоминания Винобы Бхаве / «ИД Ганга»,
2011 — (Источники Живой Истины)

ISBN 978-5-907243-05-7

Виноба Бхаве (1895–1982) был одним из великих индийских духовных лидеров и социальных реформаторов, чья работа и личный пример вдохновляли всех индийцев, от премьер-министра до бедняка. Виноба принимал активное участие в ненасильственном сопротивлении британскому владычеству, идейным руководителем которого был Махатма Ганди. Позднее, когда независимость была получена, Виноба начал свое необычное движение Бхудан (Дарение земли). За 20 лет Виноба исходил всю Индию вдоль и поперек, убедив помещиков отдать часть своих угодий бедным соседям, что в итоге составило 4 млн. акров земли. Это беспрецедентный случай в мировой истории. Общественная работа Винобы была основана на постоянном изучении духовных традиций Индии и других стран. Остаток жизни он провел в уединении и духовной практике и достиг нирвикальпа-самадхи. Эти воспоминания отражают как внешнюю, так и внутреннюю жизнь этого великого человека. Книга неизменно переиздается в Индии и переведена на многие языки мира. Для всех тех, кого интересует Индия и ее духовная культура.

УДК 304/233.1
ББК 63/87

ISBN 978-5-907243-05-7

, 2011

© ИД Ганга, 2011

Содержание

Предисловие	8
Введение	9
Вступительное слово	11
Ведомый любовью	14
Первым делом	15
Часть I	20
1	21
2	24
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ведомый любовью Воспоминания Винобы Бхаве сост. Калинди

Moved by Love

THE MEMOIRS OF VINOBA BHAVE

Translated by Marjorie Sykes from a Hindi text prepared by Kalindi

Серия «Источники Живой Истины»

Перевод с английского: Е. Огородниковой

Редактор К. Кравчук

© Огородникова Е. М. Перевод, 2019

© ООО ИД «Ганга». Оформление, 2019

* * *

Калинди присоединилась к Винобе в 1960 году, вскоре после того, как получила степень магистра социальной работы. Будучи его спутницей, она записывала его выступления и беседы, также она была его представителем при общении с прессой. Когда Виноба основал «Маитри» – ежемесячный журнал на хинди, она стала его редактором и занимала эту должность около сорока лет. Она является членом ашрама «Брахмавидья мандир», основанного Винобой в Павнаре. Материал, переведенный на английский для этой книги, был изначально опубликован в специальном издании «Маитри» в 1985 году.

Марджори Сайкс провела большую часть своей жизни в Индии и получила индийское гражданство в 1950 году, когда это стало возможно согласно Конституции. Окончив Кембриджский университет с дипломом с отличием первой степени, в конце 1928 года она впервые приехала в Индию, чтобы преподавать в женской школе в Мадрасе. Десять лет спустя она переехала в Бенгалию, чтобы работать с Рабиндранатом Тагором в его инновационном колледже в Шантиникетане. К тому времени уже бегло разговаривая на тамильском, она выучила бенгальский язык и по просьбе Тагора перевела некоторые из его работ на английский. После обретения Индией независимости Марджори смогла принять полученное от Ганди двумя годами ранее приглашение помочь с программой общего базового образования в Севаграме. В 1957 году Виноба предложил ей созвать первый всеиндийский комитет Шанти Сены («Мирная Армия»), которым, по его мнению, должна была руководить женщина. Позже она посещала Соединенные Штаты и Канаду как сотрудник Ненасильственного движения за права человека, а в 1964–1967 гг. была членом миротворческого отряда, отслеживающего прекращение огня между индийским правительством и нагалендскими борцами за независимость. Она умерла в возрасте 90 лет в 1995 году.

Среди ее опубликованных работ биографии Рабиндраната Тагора и Ч. Ф. Эндрюса, перевод «Размышлений об образовании» Винобы Бхаве и другие работы, а также (в соавторстве с Джехангир Патэл) книга личных воспоминаний о Ганди – «Ганди: его талант к борьбе». Её биография – «Марджори Сайкс: гандистский квакер», – написанная Мартой Дарт, была опубликована в 1993 году.

Предисловие

Эта книга – не автобиография Винобаджи. Он, бывало, говорил, что, если бы он сел и начал писать, результатом стала бы не «история я», а «история не-я»¹, потому что он Виноба Забывчивый. Но он не написал и не надиктовал такой «истории не-я». Тем не менее в ходе тысяч проведенных им бесед он часто иллюстрировал темы обсуждения примерами из своего опыта, что естественным образом включало некоторые происшествия из его жизни. Эта книга – всего лишь попытка отсортировать такие происшествия и собрать их воедино.

Из этого вытекают определенные ограничения. Это не полноценная история жизни, но лишь частичное ознакомление с ней. Нет цели дать полное представление о каждом событии, каждой мысли, каждом шаге на пути. Книга сводит воедино только те случаи и истории, которые были рассказаны самим Винобой. Некоторые важные происшествия в повествовании могут быть упущены, а некоторые места казаться неполными, потому что оно составлено по принципу, подразумевающему использование слов самого Винобы и ничего более. Тем не менее, несмотря на ограничения, приведенные фрагменты обладают смысловой завершенностью.

Дети обожают играть в паззлы, где полная картинка, нарисованная на доске, была разрезана на меньшие части разной формы и размера. Цель игры – собрать их все вместе в правильном положении, чтобы восстановить картинку. Иногда игрок делает ошибку и ставит фрагмент в неправильное место, так что картинка портится. Проблема – в неумении ребенка, а не художника. Существует возможность, что при объединении фрагментов из жизни Винобы могли закрасться подобные ошибки.

Но, с другой стороны, как вопрошает Джнянадева, разве может кто-либо исчислить Бесконечность или прибавить великолепия Божественному Сиянию? Как может комар объять бесконечное небо? Как Джнянадева говорит далее, есть только один способ это сделать. Работа была предпринята в духе высшей степени преданности и с «даром бесстрашия», перенятым у Винобы. Виноба и принимал, и дарил всевозможные дары, но этот дар бесстрашия, который мы от него получили, – квинтэссенция его собственного пути к ненасилию и свидетельство того, что этот путь был успешным. Бесспорно, эти фрагменты его жизни вдохновят и укрепят нас в горячем желании продолжить его путь. Они представлены здесь во имя Господа.

– Калинди

¹ На хинди слово «автобиография» звучит как *atma-katha*, дословно «история я».

Введение

В апреле 1951 года о Винобе Бхаве внезапно пошла молва. Он основал движение Бхудан яджна. Это движение, которое мы перевели на английский как *Land Gift Mission* (Дарение земли), было блестяще простой задумкой. Виноба ходил из деревни в деревню, вызывая к землевладельцам, чтобы те передали хотя бы шестую часть своих угодий в пользование безземельных крестьян их деревни. «Воздух и вода принадлежат всем, – говорил Виноба. – Земля тоже должна быть поделена сообща».

То, каким тоном он это произносил, имеет первостепенное значение. В нем не было осуждения и жесткости. Мягкость – подлинная *ахимса*² – была отличительной чертой Винобы. Мягкость, подкрепленная такой самоотверженной и простой жизнью, что мало кто мог оставаться незатронутым его призывом. В первые шесть лет миссионерской деятельности Виноба прошел более пяти тысяч миль и получил столько земель для перераспределения, что они могли бы покрыть всю площадь Шотландии. И, вне сомнения, часть этих земель была столь же не пригодна для возделывания, как шотландское высокогорье. И здесь кроется главная проблема «Бхудан яджны» с практической точки зрения. После того как Виноба уходил в следующую деревню – а он редко оставался в одном месте более чем на одну ночь, – во многих деревнях возникали разногласия и распри, ведущие к разочарованию, а также быстрому угасанию духа Бхудан, пробужденного Винобой.

Когда я путешествовал вместе с Винобой, это тревожило меня, даже сокрушало. Но сегодня, читая выдержки, переведенные Марджори Сайкс, я вижу ситуацию в ином свете. Виноба был подлинным воплощением духа «Гиты»: «Чтобы привести праведность, уничтожить грех грешников и упрочить дхарму, прихожу Я из века в век», – говорил Кришна. Он не предлагал долговременных решений; он обращал наш взгляд в сторону вселенского добра и вновь зажигал веру в человеческий потенциал.

Так поступал и Виноба. Он не беспокоился о результатах своих действий: если они достаточно эффективны, то повлияют на «сырое тесто» человеческого сознания и помогут ему подняться, чтобы раскрыть полный потенциал. Он был на удивление – по крайней мере с точки зрения западного человека – безразличен к результатам.

Выдержки из его задокументированных выступлений, умело переведенные Марджори Сайкс, показывают, что это отрешенное отношение всесторонне проявлялось в его жизни и мыслях. Винобе не было дела до общественного мнения. Он следовал своему проблеску истины до самого конца и логического завершения. Он не так тонко чувствовал драматизм момента, как Ганди, и у него не было его веселости и чувства юмора. Но этот кажущийся недостаток индивидуальности не был его минусом. Это была неизбежная плата, которую он вынужден был понести, за великий дар, что он нам передал. «Пусть только то малое останется от меня, которым я могу сказать: Ты – мое все»³. Виноба решил эту задачу в полной мере, с присущей ему математической точностью.

Никто не подходит лучше на роль переводчика мыслей Винобы, чем Марджори Сайкс, которая помогала западным читателям понять Индию на протяжении более пятидесяти лет! Она привнесла в этот процесс большое умение, точность и понимание. Благодаря этому Виноба, спустя дюжину лет после его смерти, стоит лицом к лицу с западным читателем, со

² *Ахимса* – поведение и образ действий, при которых первым требованием является нанесение вреда – насилие. Ахимса определяется как поведение, ведущее к уменьшению зла в мире, направленное против самого зла, а не против людей, его творящих (отсутствие ненависти).

³ Эта цитата взята из «Гитанджали» («Жертвенные песнопения») – сборника, состоящего из 157 стихотворений индийского писателя, поэта, драматурга, художника, композитора и общественного деятеля Рабиндраната Тагора. Английская версия сборника была отмечена Нобелевской премией по литературе в 1913 году. – *Прим. пер.*

всей своей простотой и утонченностью, со всей своей смелостью и величайшей мягкостью.
Сияние не угасает.

– *Холлам Теннисон (09.06.1993)*

Вступительное слово

Виноба Бхаве

Виноба Бхаве был человеком великой чистоты. Я работал с ним с 1955 по 1962 годы, в течение его двадцатилетней кампании по предоставлению земель беднякам. Он был челове-

ком, способным тронуть сердца землевладельцев и расшевелить их настолько, что в итоге они добровольно пожертвовали четыре миллиона акров земли. Это удивительное событие, не имеющее прецедентов в мировой истории, можно объяснить только тем, что его призывы передать землю шли из сердца святого, незапятнанного корыстью, желанием личной славы или поиском материальной выгоды, и никак иначе.

Виноба сомневался в ценности формального образования: своим друзьям он часто говорил, что существующие школы и колледжи – это огромные заводы по подготовке «ваших наипокорнейших слуг». Окончив школу без сдачи выпускных экзаменов, он подготовился к дальнейшей жизни, съездив в Бенарес, где учился, размышлял и беседовал с учеными и садху. В конце концов он почувствовал, что эти святые люди были отгорожены от реального мира. В двойственности Бога и мира значение целостности было утеряно. Бог может быть осознан только через явленный мир. Именно тогда Виноба узнал о Махатме Ганди – Ганди, который проводил кампанию по освобождению неприкасаемых от оков классового доминирования, который работал над оживлением сельской жизни и жил в сообществе, которое трудится, опираясь на медитации и молитвы. Виноба отправился пожить в аршам Ганди, где оба они чувствовали друг к другу притяжение. С тех пор Виноба посвятил свою жизнь поискам Бога и служению людям – в особенности беднякам Индии.

Ганди выбрал малоизвестного тогда Винобу Бхаве – как человека, чистота побуждений которого была несомненна, – первым, кто поднимет флаг независимой Индии во время кампании индивидуальной сатьяграхи в 1940 году⁴. Те, кто не знал Винобу, были удивлены этим выбором. Те же, кто знал его, поддержали этот выбор всем сердцем, потому что это был человек без корыстного интереса в политике. Ненасильственные, но в то же время незаконные действия Винобы, предпринятые им в процессе освободительного движения, повлекли за собой годы тюремного заключения. Несмотря на это, он продолжал работать, не привлекая к себе внимания, после того как Индия стала независимым государством. Он провел семь лет частично за изучением и переводом «Бхагавадгиты», упанишад и других текстов на санскрите, частично за конструктивной работой по улучшению жизни бедноты в маленькой деревне в центральной Индии.

Как сказано в последующих главах, великое движение Дарение земли (Бхудан) возникло в результате насильственных конфликтов между безземельными крестьянами и влиятельными землевладельцами недалеко от Хайдарабада, на юге Индии. Виноба был очень обеспокоен этими конфликтами и отправился туда, чтобы понять, сможет ли он помочь найти справедливое разрешение проблем бедняков. Сорок безземельных семейств из одной деревни сообщили, что для того, чтобы прокормить себя, им необходимо восемьдесят акров земли. И один из землевладельцев, Рамачандра Редди, был так тронут личным обаянием Винобы, что сделал беспрецедентное предложение – пожертвовать сотню акров своих угодий.

Виноба не мог поверить своим ушам: это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Безземельные семьи приняли только те восемьдесят акров, которые они просили изначально. Они уверили землевладельца, что будут служить Матери Земле со всей душой. Утирая слезы, Виноба сказал: «Оба, и даритель, и одаряемые, присутствуют здесь, меж нас. Пусть они поделят землю в нашем присутствии. Дарителю надлежит также, в духе сотрудничества, помочь этим рабочим с зернами и инструментами для обработки земли». И затем он добавил: «Я пришел с пустыми руками, и с пустыми руками уйду, но сердце мое переполнено».

Земля принадлежит Богу, поэтому она принадлежит всем – или никому. Почему кто-то заявляет о своем праве ею обладать, если не он сотворил ее? Воздух, вода, солнечный свет,

⁴ *Сатьяграха* (санскр. – упорство в истине), кампания гражданского неповиновения с применением тактики пассивного сопротивления, разработанной Мохандасом Ганди в Южной Африке и широко применявшейся в Индии в борьбе против британского правления. – *Прим. пер.*

леса, холмы, реки и земля – это всемирное наследство. Никто – коллективно или индивидуально – не в праве обладать им, захватывать, портить, осквернять или разрушать его. Мы можем принимать плоды земли как божественные дары и возвращать то, что нам не нужно, Богу. Поэтому Виноба стучал в каждую дверь, убеждая землевладельцев – капиталистов и коммунистов – упрочить новые взаимоотношения между землей и людьми. Если ты богат, отдавай; если ты беден, отдавай. Неимущих людей нет. У некоторых есть земля, у некоторых частная собственность, у других – интеллект и физическая сила. Более того, любовь и теплота пропитывают сердца всех людей. У нас всех есть что отдать, так отдавайте, отдавайте.

В течение своей «дарительной» кампании Виноба вдохновлял людей дарить земли, труд, деньги, инструменты, знания. Это была экономика, созданная воображением. Почти никто не мог отказать этому божественному нищему. Метод работы Винобы подразумевал не противодействие землевладельцам, но помощь им в принятии верного решения. Дух дарения не может возникнуть в атмосфере вражды и противоборства. Вражда снижает вероятность переворота в убеждениях и сама по себе является формой насилия.

Виноба обладал глубоким и тонким пониманием этого: «Возьмите, к примеру, дом. Вы хотите войти в него, но его окружают высокие стены. Вы идете к стене и пытаетесь преодолеть ее, но не можете. Что произойдет? Вы разобьете себе голову. Но если вы найдете маленькую дверь, вы сможете проникнуть в дом и пройти куда хотите. Однако необходимо найти дверь. Подобным образом, когда я встречаю землевладельца, у него есть много недостатков и слабых сторон, и его эгоизм – как стена. Но у него есть маленькая дверь, небольшое количество доброты в сердце. Когда вы готовы найти эту дверь, вы переступаете через свой собственный эгоизм и входите в его жизнь. Не беспокойтесь о его недостатках, найдите дверь. Если иной раз я не могу найти дверь, то это моя вина: моя вина в том, что я бьюсь головой о его слабые стороны».

Живя как нищий и видя Божественное в бедняках, Виноба стал их бесстрашным защитником. Он говорил: «Если у вас есть пять сыновей, считайте меня шестым своим сыном, представляющим нищих, и отдайте мне шестую часть своей земли, чтобы поделить ее с теми, у кого ее нет».

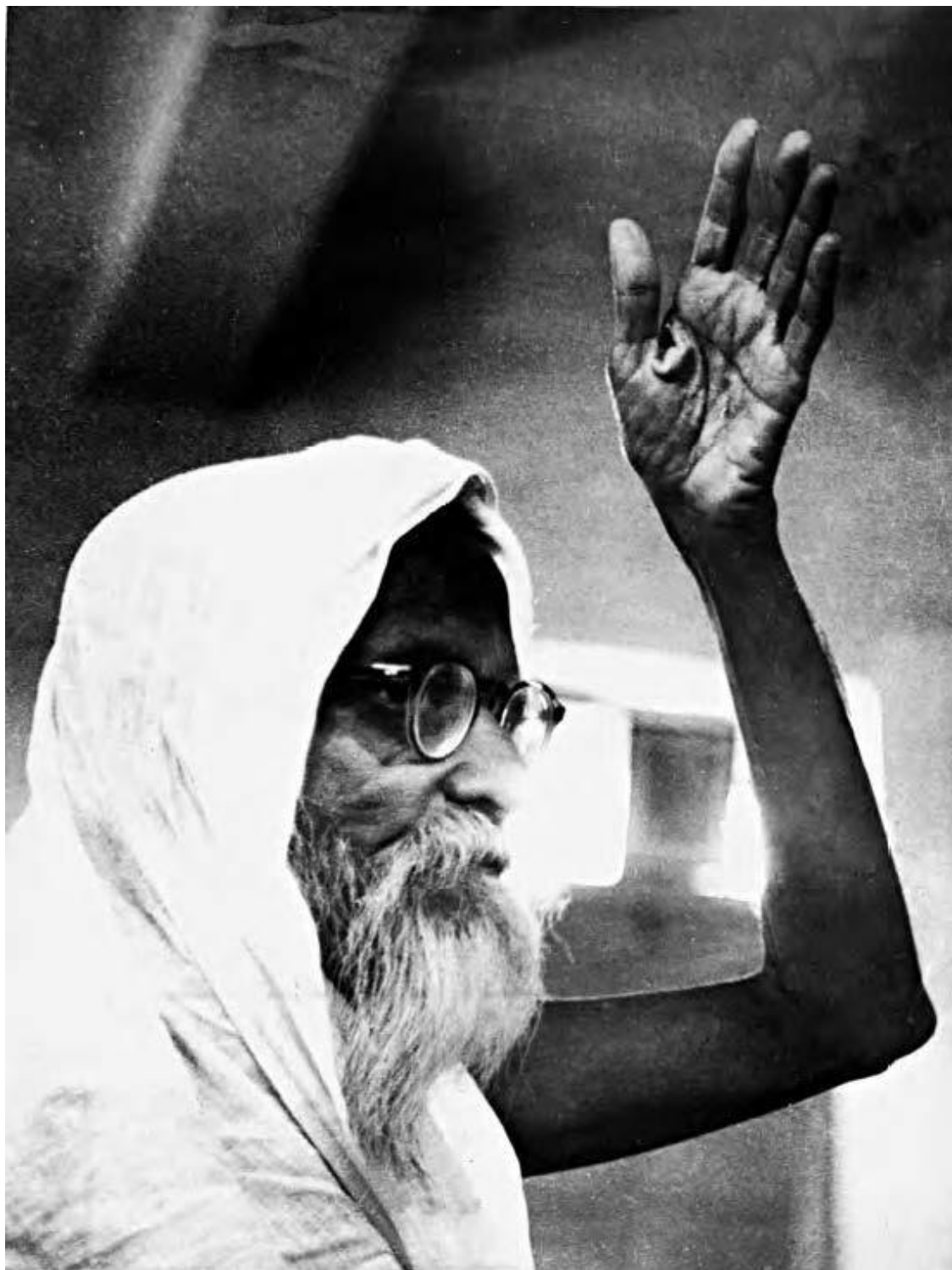
В Индии Виноба приобрел такое влияние, что премьер-министры и президенты приходили встретиться с ним в крытых соломой лачугах и бамбуковых хибарах, где он останавливался в течение длительных путешествий по сельской местности. Виноба не ходил туда, где не приветствовали неприкасаемых или людей других религий, будь то дворец или храм.

Когда ему стукнуло семьдесят пять, Виноба решил оставить социальную и политическую деятельность. Он прекратил странствия и проводил время в молитве, медитации и созерцании. Несмотря на то, что он неохотно говорил о своей жизни и отказался писать автобиографию, Калинди, его близкая соратница и единомышленница, из его собственных слов сплела воедино историю его жизни, размышления и воспоминания. И она, и Марджори Сайкс, переведшая книгу на английский, принесли большую пользу, доведя до нашего внимания наблюдения и жизненный опыт Винобы.

В возрасте восьмидесяти семи лет Виноба почувствовал, что ему нездоровится и что силы покидают его. Он видел приближение смерти. Доктора хотели продлить срок его жизни, но Виноба не боялся смерти. Он отказался от еды, питья и лекарств. Когда о его голодании стало известно, друзья и последователи стали съезжаться тысячами, чтобы проститься с ним. После восьми дней воздержания от приема пищи Виноба оставил тело в абсолютном покое.

– Сатиши Кумар

Ведомый любовью

Виноба Бхаве на одном из своих выступлений перед народом

Первым делом

Я человек, который принадлежит другому миру, нежели этот, – миру, который может показаться очень странным. Ибо я утверждаю, что мною движет любовь, – я ощущаю это постоянно. Я имею дело не с суждениями, а только с мыслями, где есть место для отдавания и принятия. Мысль не замурована и не прикована, ею можно поделиться с людьми доброй воли; мы можем принять их идеи и предложить им наши – так мысль растет и распространяется. Так я всегда чувствовал, и по этой причине я сам не соглашаюсь ни на какие ярлыки. Каждый может объяснить мне свои идеи и убедить меня, и каждый волен сделать мои идеи своими точно таким же способом.

Нет ничего могущественнее, чем любовь и мысль – ни организации, ни правительства, ни «изма», ни священного текста, ни оружия. Я пришел к выводу, что они, любовь и мысль, – единственные источники силы. Поэтому вам не следует ждать наличия у меня каких-либо бессменных суждений, у меня есть лишь идеи. Я человек, который меняется каждое мгновение. Любой может сделать меня своим невольником, горячо представив мне свои идеи и убедив меня в их правильности. Но никто, как сильно бы он ни пытался, не сможет заставить меня признать его власть, первоначально не убедив меня в разумности его мыслей.

Я сам по себе; я не ношу отличительных знаков, я не являюсь членом никаких организаций, я не имею ни малейшего отношения к политическим партиям. Однако с организациями я поддерживаю теплые отношения, чтобы моя работа была конструктивной⁵. Я был рожден брахманом, но я отсекал себя от своей касты, когда отсекал шикху⁶. Некоторые зовут меня индуистом, но я столь многократно возвращался к изучению Корана и Библии, что весь индуизм из меня как вымыло! Людям нравится то, что я говорю, потому что моя работа основана на сострадании, любви и внимательности. У меня есть идеи, но нет навсегда укоренившихся взглядов. На самом деле я настолько неблагонадежен, что не постесняюсь выражать сегодня одну точку зрения, а завтра другую. Сегодня я не тот, что был вчера. Я думаю по-разному от мгновения к мгновению и все время меняюсь.

Одно я должен обозначить четко. На меня часто смотрят как на представителя идеологии гандизма. Ничто не может быть дальше от истины. Это правда, что я провел жизнь, поддерживая те программы Гандиджи, которые мне нравились, но необходимо подчеркнуть – только те, которые мне нравились. Я на самом деле извлек много из его мыслей и общения с ним. Но столько же я получил и от других мыслителей. Я принимал те мысли, которые, как я был убежден, были правильными и отвергал остальное. Следовательно, я человек со своими собственными взглядами. Гандиджи знал это, и все же, будучи свободолюбцем, он считал меня своим сподвижником. Исходя из этого, я не подхожу для того, чтобы представлять идеологию гандизма, даже если бы мне этого и хотелось; а мне определенно не очень хочется.

В стране развивается множество идейных течений, и так как я непосредственно контактирую с людьми, у меня есть возможность тщательно их изучить. Благодаря этому я могу занять беспристрастную позицию и никогда не терять своего сосредоточения на гармонии. Я никогда не вовлекаюсь в споры. Мне не по нутру противостоять кому-либо без причины. По правде говоря, я чувствую себя, как святой Тукарам, сказавший: «Я не могу вытерпеть и единого слова, выражающего противостояние».

Я расцениваю себя как «Величайшую скрепляющую силу», так как я не принадлежу ни к какой политической партии. Но это если смотреть на вещи в негативном свете. На самом деле я люблю хороших людей из всех партий. Это и делает меня «Величайшей скрепляющей силой».

⁵ «Конструктивная работа» означает программу основных социальных реформ Махатмы Ганди.

⁶ Шикха – прядь волос на затылке, указывающая на принадлежность к брахманскому сословию. – Прим. пер.

Любой, кто трудится на благо революционного преобразования через смену настроений, обязан быть скрепляющей силой – не только для какой-либо отдельной страны, но для всего мира.

Все люди – моя семья, а я – их. Не в моей натуре любить одних больше, а других меньше. Об этом упоминается в «Жизни пророка Мухаммада», когда в разговоре об Абу Бакре он говорит: «Я мог бы любить его больше всех, если бы не было запрещено любить одного больше, чем другого». То есть Господь запрещает нам любить одного сильнее, чем другого. Это верно и для меня. Я не могу делать различий между людьми.

Однажды я видел портрет Луи Пастера, а под ним были слова: «Я не хочу знать, какова твоя религия и каковы твои взгляды. Я хочу знать, в чем твои беды». Те, кто поступает так, исполняют свой человеческий долг, и это то, что я стараюсь делать.

Один раз посетитель спросил меня: «Кто продолжит вашу работу?» Мой ответ был таков: «Об этом позаботится Тот, кто меня на нее сподвигнул». В действительности я не считаю себя деятельным человеком. Я не склонен руководить людьми и навязывать им порядок. Поэтому у меня не может быть последователей. Сила, которая двигала мной, и дальше продолжит свою работу.

Я твердо верю, что искра истинного Знания может испепелить все беды этого мира. И, веря в это, я провел всю свою жизнь в поиске Знания и в его распространении. Я буду служить моей цели, даже если мне удастся донести это Знание лишь до пары человек.

Я не предпринимаю ни шага, не вникнув глубоко в самую суть и не поняв причин. Я провел тридцать лет своей жизни в уединенных размышлениях, в то же время оказывая любое служение, которое мог. Я размышлял о тех переменах, которые должны произойти в обществе и о том, как сделать так, чтобы в они выросли на чистой почве. Сейчас я вполне отчетливо вижу свою главную цель, и я не боюсь проблем. Неважно, что это за проблема и насколько она велика, она кажется мне маленькой, потому что я больше нее. Какой бы большой она ни была, это все же человеческая проблема, и ее можно разрешить человеческим разумением.

В ходе моей работы – и в ашрамах, и вне их – я стремился понять, как разнообразные сложности в жизни общества и в жизни человека могут быть преодолены при помощи ненасилия.

Это моя главная задача. Из-за этого я отправился в Телангану⁷. Если бы я уклонился от этой работы, я бы нарушил обещание прикладывать все усилия во благо ненасилия и Шанти Сены⁸. События, произошедшие в нашей стране после обретения независимости, ослабили упования на ненасилие. Жестокие силы проявили себя в Индии с великой мощью. Поэтому после смерти Гандиджи я попытался выяснить, как можно организовать ненасильственный социальный строй.

По натуре я склонен действовать методами Господа Махавиры⁹, но то, как я поступил на самом деле, больше походило на метод Господа Будды. Я не противопоставляю их. Махавира не был склонен заниматься политическими проблемами или распространять идеи. Куда бы он ни шел, он разговаривал с людьми, вникал в мировоззрение того, кто был перед ним, и показывал каждому из этих людей, как найти удовлетворение в жизни. Если человек верил в Священное Писание, он использовал его как основу своего учения. Если же он не верил в Писания, Махавира давал советы, не опираясь на книги. Так он находил компромиссное решение, чтобы поделиться своими мыслями. Господь Будда, с другой стороны, занимался социальными проблемами, чтобы активно распространять идею ненасилия. Стоит ли прибегать к такого рода практическим проблемам, чтобы распространять идеи, – вопрос спорный. Всегда есть опасность того, что проблема захватит первенство, и изначальная мысль – идея, ради которой всё

⁷ Об этом рассказывается в начале части 3.

⁸ Мирная армия – идея, разработанная Ганди и позднее Винобой..

⁹ Основоположник джайнской религии.

затевалось, – останется в тени и будет второстепенной. С другой стороны, не подкреплённая такими проблемами, мысль не направлена в конкретное русло. Добрая Воля распространяется незаметно, но идеям необходимо принимать реальную форму. В противном случае они не привлекают простых людей. Так что риск есть и в том и в другом случае – в использовании практической проблемы и в неиспользовании; но есть также и польза в обоих случаях. Я, безусловно, использовал проблему земли как точку опоры, но моя основная цель – обучить идее самайя-йоги о единстве, равенстве и сострадании и воздать ей хвалу. При выборе такой точки опоры я использовал свой ум, но моя мысль всегда шла дальше этого, и много раз я страстно желал держаться того, что свойственно мне по натуре. Однако я не перестал заниматься этой проблемой. Так что я работал над сведением методов Господа Махавиры и Господа Будды в единое целое.

У меня есть одна особенность, которая может показаться отрицательной чертой. Я не могу заставить кого-то что-то сделать. Часто это приводит к задержкам, но работа выполняется в любом случае и завершается успехом. Я слежу, чтобы мои слова не создавали избыточное давление на людей и чтобы мои убеждения не становились агрессивными. Я был бы расстроен, если бы кто-либо принял мои идеи, не будучи убежденным в них. А если кто-либо убежден в некой идее, но всё же не принимает ее, я лелею надежду, что рано или поздно он придет к тому, чтобы её принять.

По Божьей милости, доводы, основанные на неправильном понимании, никогда не затрагивают меня. Я отдал себя в Его руки. Это Его работа – не моя. Это Он направляет меня, движет мной. Мне нет дела до пропаганды. Идеи, как свет, распространяются сквозь пространство. В сущности, пространство может ограничивать движение света, но оно никогда не ограничит распространение идей. Убежденный в этом, я продолжаю работать без каких-либо страхов и тревог. Я не ищу никаких заслуг, я не ищу ничего, кроме служения. Мне хотелось бы, чтобы за это служение я не получил никакого признания, так как это служение пришло ко мне совершенно естественно и является потребностью эпохи. Время сделало меня орудием этого служения. Так что мне не нужно признание. Ветка может перемещаться на мили по течению реки, это не ее заслуга. Если бы она проплыла несколько футов против течения, это было бы основанием для того, чтобы признать ее заслугу. Подобно этому, если бы моё служение шло против течения, это было бы моей заслугой. Таким образом, я доказал, что в этом служении нет моей заслуги. Служения и только служения я ищу.

В уме я держу цель, но я не думаю, что ответственность за ее осуществление лежит лишь на моих плечах. Это работа Господа, и поэтому она обязательно принесет плоды. Никто не может противостоять Истине. Может потребоваться время чтобы осознать ее, но ей невозможно пренебречь.

Поэтому я отдаю свои мысли на рассмотрение людям, а после отправляюсь спать на коленях у Господа. Каждый день для меня – это новое рождение, и с рассветом я погружаюсь в работу, за которую взялся.

Я часто говорю шутя, что мне редко представляется возможность взглянуть на себя в зеркало. В этом и нет необходимости. Я вижу себя во всех окружающих меня лицах. Так я всегда чувствовал во время пеших странствий.

В глубинке, где люди не понимали моего языка, им приходилось иметь дело с посредственным переводом моих наставлений. Но и там я чувствовал то же самое. И люди чувствовали то же в отношении меня. Нигде я не ощущал себя чужаком. Я получал ту же любовь и теплоту повсюду.

Я не смотрю на людей передо мной как на людей. Для меня они – олицетворение Господа. Я считаю, что Господь, который пребывает в моём сердце, принимает различные формы перед моими глазами.

Во многих отношениях я слаб, но у меня есть одна сила. Никто не знает, откуда она берёт начало, но все видят ее действенность. Даже несмотря на это, люди не желают ей завладеть. Без

неё я был бы куском глины. В себе я не нахожу ничего, что поддерживало бы меня в моих пеших странствиях. У меня нет собственного могущества, которое позволило бы мне просить отдать в дар землю или побудить людей расстаться с их владениями. Я не располагаю полномочиями и не состою ни в какой организации. Это Господь движет мной. Это Его милость. На что бы я ни смотрел, я вижу глазами Господа.

Поэтому я не испытываю ничего, кроме любви, не только в отношении каждого человека, но и в отношении каждого существа. Это не просто отсутствие ненависти, а несомненная любовь. Я вижу Господа в каждом лице, и моё сердце переполняется любовью, а на глазах наворачиваются слёзы. Мне приходится прикладывать усилия, чтобы сдерживать их.

Это было моей судьбой – выступать с наставлениями. Раньше перед друзьями и студентами, теперь перед народом. Будучи молодым человеком, я редко выбирал слова. Но мои друзья знали, что я ни к кому не испытываю злобы, так что их не задевали мои замечания. В компании Гандиджи я понял, что за языком нужно следить, по крайней мере в переломные времена. Постепенно это стало привычкой.

Иногда люди жаловались Гандиджи на неосторожное использование слов с моей стороны, но Гандиджи неизменно защищал меня. То, что ему приходилось вставать на мою защиту, стыдило меня, и я стал более бдительным.

Пешие странствия были для меня, выражаясь словами пандита Неру, «открытием Индии»¹⁰. Не то чтобы я не знал Индию. Я был хорошо осведомлен о её прошлом и настоящем, хотя полностью узнать ее прошлое почти невозможно. Я прикладывал усилия к тому, чтобы узнать столько, сколько мог, и для этого представлялись возможности. Знакомство с литературой на почти всех языках Индии позволило мне почувствовать душу Индии, но странствия позволили взглянуть на неё по-новому и углубили мое понимание.

В «Йога-Васиштхе» мудрец Васиштха говорит Раме: «О, Рагхава! Сохраняй „присоединенность“ вовне и внутреннюю отрешенность. Здесь нет никакого противоречия. Мы должны знать, куда стремиться, чтобы быть на правильном пути. Если наши глаза устремлены на эту путеводную звезду, наш подход должен быть непрямым – и это будет подход ненасилия. Именно таким был мой подход.

Мои коллеги говорят, что мой метод представляется им загадочным и в то же время научным, в отличие от метода Гандиджи, чей метод представляется более простым и прозрачным. Это так, потому что у нас разное восприятие, а также потому, что времена тоже изменились. Гандиджи обычно легко сходилась с людьми, а я остаюсь до некоторой степени отчужденным от них. И всё же я лучше понимал, в каких условиях живут простые люди, потому что вырос среди них, в отличие от Гандиджи, который родился в аристократической семье и имел больше друзей среди людей высших классов; и, таким образом, он смотрел на народные массы с этой позиции.

Я вырос в деревне. Моё мышление было созвучно с народным. Я изучал религиозную литературу в разных провинциях – литературу, которую вобрал в себя простой народ. Мои знания в мирских областях ограничены. Гандиджи был юристом – знатоком законов, о которых я знаю меньше всего. Всё это естественное следствие разницы в подходе.

Мой подход также отличается от подхода Шанкарачарьи¹¹, который пытался убедить учёных и верил, что, как только они будут убеждены, они позаботятся об остальном. Мой подход скорее сродни подходу Кабира¹², который зывал напрямую к народу.

¹⁰ «Открытие Индии» – знаменитая книга Дж. Неру, одного из лидеров национально-освободительного движения Индии, ее первого премьер-министра. Была написана им в тюрьме в 1944 году. В книге рассказывается об истории, драматических страницах освободительной борьбы, культуре, религии, быте и традициях Индии. – *Прим. ред.*

¹¹ Имеется в виду Ади Шанкарачарья (788–820).

¹² Кабир (1440–1518) – великий поэт-святой, писавший на маратхи.

Я не могу отрицать, что во мне есть мистическая составляющая. Поэтому, в то время как я хожу по земле, мой разум в других сферах. Не приди я к Гандиджи, я, наверное, последовал бы пути мистиков, пути медитации. Но я с детства был очарован «Гитой», а в «Гите» говорится, что путь медитации и путь действия – одно и то же. В связи с чем я осознал необходимость баланса в жизни, и в обществе Гандиджи мои внутренние противоречия были наконец-то разрешены. С тех пор я следовал его пути с исключительным сосредоточением. Однако до сих пор во мне есть нечто иное. Не то чтобы Гандиджи недоставало этой составляющей. Те, кто близко его знал, понимали, что, хоть он и выглядел увлеченным единственно работой, касающейся внешней деятельности, он стремился к чему-то еще.

Это вопрос позиции. Гандиджи, по существу, был активистом, но мистицизм присутствовал у него на втором плане. Вивекананда, с другой стороны, был очевидным мистиком, с активизмом на втором плане. Рамакришна Парамахамса был чистым мистиком. Соответственно, позиции разные. Я думаю, что нахожусь где-то посередине. Во всём, что казалось мне стоящим того, чтобы это сделать, я получал величайшую помощь (не считая Священных Писаний) от трех людей: Шанкары, Джнянадевы и Гандиджи. Что касается Гандиджи, я не только изучал его идеи и тексты, я жил в его обществе, я провёл всю свою молодость, практикуя формы служения, которым он положил начало.

Его общество, его идеи и возможность воплощать их в жизнь – всё это принесло мне пользу. Другими словами, я жил под крылом великого человека и получил от него поистине великий дар, за который я благодарен. Такой дар я получил и от первого Шанкарачарья. Он помог мне главным образом в преодолении философских сомнений, которые естественным образом возникают в любом мыслящем уме, и я всегда буду оставаться у него в долгу в мире мысли. Что касается дара, который я получил от Святого Джнянадевы, у меня нет слов, чтобы его описать.

Он придал форму моим мыслям, вошёл в моё сердце, направлял мою деятельность и, кроме всего этого, я верю, что он оказал воздействие на моё тело. Его влияние было великим и разносторонним. По натуре я очень жесткий – кусок необработанного камня без формы. Шанкарачарья сделал этот камень крепким, Гандиджи обточил его и придал ему форму, но великая задача по пробитию камня и высвобождению потоков воды под ним и, таким образом, наполнения моей жизни и сердца сладостью – это была работа Святого Джнянадевы. Когда я думаю о себе, о том, кто я, и об удаче, выпавшей на мою долю, я вспоминаю множество благоприятствующих внешних обстоятельств. Люди знают, что у меня были необыкновенные родители. У моих братьев тоже есть свои достоинства. На пути у меня был наставник, которым, по общему признанию, является Махатма.

У меня были возлюбленные друзья, и все они, без исключения, снискали любовь народа. У меня были ученики, которыми я сам теперь восхищаюсь. Какая это великая удача! Кроме того, так как я знаю много языков, я имел и всё ещё имею возможность вкушать нектар мысли многих святых и религиозных людей. Кто-то может счесть и это великой удачей. Однако всё это блекнет рядом с самой потрясающей удачей из всех, которая принадлежит мне и вам, и всем нам – что все мы члены, части, конечности Господа; волны в этом Океане. Самая потрясающая, огромная удача в том, что мы пребываем в Господе. Как только мы почувствуем это, мы свободны.

Часть I

Не впряженная в ярмо юность (1895–1916)

Храм Камнатх в Бароде (*Махараштра, фотография нач. XX в.*)

1

Мой деревенский дом

Мое детство прошло в Махараштре, в регионе Конкан. Гагод был маленькой деревней – примерно восемьдесят домов – в районе Колаба. Там не было школы, и большинство ее жителей были неграмотны. В каждой семье женщины вставали с первыми лучами солнца, чтобы начать работу. Первым делом нужно было смолоть зерна в муку для ежедневных нужд в круглой каменной ручной мельнице. Затем следовало подмести двор, который опрыскивали смесью воды и коровьего навоза, чтобы уложить пыль и держать его свежим и чистым. В то время как руки женщин были заняты этой и другой работой по хозяйству, из уст их лились песни, восхваляющие Бога. Мелодичные звуки наполняли утренний воздух праведностью.

Мой дедушка был инамдаром – землевладельцем. Мы жили в довольно большом доме, с просторным двориком, где было великое множество лягушек самых разных видов, которые всю ночь, не переставая, тянули свою обычную «Мандукья-упанишаду»¹³. Я очень боялся этих неисчислимых лягушек; позднее я прочел описание, данное мудрецом Васиштхой в Ведах: «Одна лягушка больше напоминает быка, другая похожа на козла, третья – пятнистая, и все они дружно квакают, как брахманы, распеваящие Веды. В жару они становятся сухими и сморщенными, как брахманы, практикующие аскезу, но в дождь они энергичны и активны, и кричат от удовольствия». Какой творческий взгляд на лягушек!

Но люди говорят мне, что сейчас в наших дворах нет и четверти того количества лягушек, что было раньше. Лягушачьи лапки считаются деликатесом в Америке¹⁴, поэтому лягушек отлавливают на экспорт. Иногда, если меня спрашивают, когда я планирую вернуться в Гагод, я отвечаю: «Когда во дворе будет так много лягушек, как в прежние времена!»

Я имел обыкновение бродить по деревне и смотреть, как трудятся рабочие. Однажды я стоял и наблюдал, как какие-то мужчины раскалывали большой камень. Один из них заметил меня. «Хотел бы ты попробовать своей рукой, Винья?» – спросил он. «О да, пожалуйста!» – ответил я. И вот, когда после еще нескольких ударов камень должен был расколоться, они вложили молот мне в руку. Я ударил что было сил, и в самом деле – камень развалился на части. Чтобы порадовать меня, добродушные рабочие стояли и одобрительно восклицали: «Хорошо сработано, Винья! Сын инамдара расколол камень!»

Иногда, по особым случаям, в наш дом в Гагоде приходил брахман и читал Веды. Я сидел и слушал, и через некоторое время сочинил свою собственную Веду на маратхи, которую декламировал с высокопарной интонацией, с какой брахманы читают мантры на санскрите. Всё, о чём в ней говорилось: «Лошади пасутся на берегу реки», но, произнесенная в такой манере, она звучала великолепно.

В нашем доме в Гагоде с нами жил слепой дядя. Он был очень трудолюбивым и мягким человеком, все любили его и заботились о нём. Позднее, когда мы уехали в Бароду с отцом, он остался в Гагоде, и однажды пришло письмо, в котором говорилось о его кончине.

Обычно, когда приходили подобные новости, мама омывала нас и омывалась сама, но в этот раз таких ритуалов не последовало, и я спросил почему. «Видишь ли, сынок, – сказала она, – слепой дядя на самом деле не был нашим родственником. Он испытывал крайнюю

¹³ Мандук означает «лягушка». «Мандукья-упанишада» – одна из главных упанишад.

¹⁴ Здесь, видимо, закралась ошибка. Лягушачьи лапки считаются деликатесом во Франции.

нужду, и не было никого, чтобы заботиться о нём, поэтому он жил с нами». Таким образом, только после его смерти я узнал, что дядя, которого мы знали столько лет, не был связан с нами кровными узами.

Первые девять лет моей жизни прошли в этом деревенском доме. Затем, в 1905 году, мы переехали к нашему отцу в Бароду, где он работал. Во время праздников мы обычно приезжали погостить к нашим бабушке и дедушке в Гагод, но у меня больше не было тесной связи с моей родной деревней, а несколько лет спустя я оставил и свою семью.

Как я уже говорил, я вернулся в Гагод в 1935 году, в возрасте сорока лет, – лишь на два или три дня. Во время моего пребывания там мне нужно было написать кое-что для Бапу¹⁵ о прялке. К тому времени, как я закончил, была уже полночь. Я собирался отправиться спать, когда услышал звуки пения из храма неподалеку. Жители деревни собрались там, и я пошёл и сел среди них, не привлекая внимания. Исполненные преданности Богу песнопения продолжались около часа. В обычном случае моё языковое чутьё возмутилось бы их малограмотным произношением, но перед глубиной их преданности всё остальное стало малозначительным. Я был полностью «унесен», погрузившись в блаженство. Одна из их песен произвела на меня впечатление особенно сладостное, и я помню ее по сей день.

Счастья в мире нет нигде,
Не желай его зазря:
Счастья не отыщешь здесь,
Мир – лишь горя западня.

Жители этой крохотной деревеньки, подумал я, ужасно бедные, похожие на ходячие скелеты, не имеющие практически ничего, чтобы прикрыть наготу, могут, несмотря на это, терять «себя» в таких исполненных преданности песнопениях. Я был в восторге. Где эти люди из деревни, где не было школы, где никто не мог ни читать, ни писать, обрели такое знание? Должно быть, из-за того, что они с такой преданностью поют множество песен Тукарама и других святых, они сохраняют понимание и разумность и по сей день. В этом наша сила. Сам Святой Тукарам обеднел настолько, что его жена умерла от голода. И всё же он обратился к Господу со словами: «О, мой Господь, не будь печали, не было бы и памятования Тебя!» И в разгар своей скорби он обрел наслаждение:

Переполнили сердце мое
Наслаждения, одно за другим.
Любовь – вечно бьющий ручей,
Звучащий именем Твоим.

Это потому что нашей стране присущ дух преданности, даже самые бедные смотрят на мир с улыбкой. Люди во впадшем в нищету Гагоде, внешне такие ссохшиеся и увядшие, были переполнены нектаром преданности. До этого, в 1920 году, я провёл один день в Гагоде. Теперь некоторые уже умерли, некоторые по-прежнему выживали. Часть зерна, что называется, была приготовлена на плите, часть ждала своей очереди в корзине – вот и вся разница. Те же звёзды, что я видел в Вардхе, сияли и над Гагодом, и я был тем же, за исключением того, что меня преследовали видения гор. Возможно, однажды я был диким животным, обитавшим в тех горах, – оленем или, может быть, тигром, компаньоном какого-нибудь отшельника. Возможно, я родился человеком по ошибке. Я не в полной мере приручен даже сейчас – я всё тот же Виноба, хоть я и был «обжарен в Гандиджи и обвален в Джамналаджи».

¹⁵ «Бапу» означает «отец». Так называли Махатму Ганди.

Во время своего визита в 1935 году я написал в письме, что горы и мать посреди них – это символически всё творение и все взаимоотношения. На протяжении этих трёх или четырёх дней я вспоминал о своей матери около сорока раз. «Гита», мать и *такли*¹⁶ – это моя Троица, и для меня эти трое содержат в себе каждое из тысячи имен Господа.

¹⁶ Веретено, используемое для ручного прядения хлопка.

2

Мой дедушка

Мой дед Шамбхурао Бхаве был очень набожным. Каждое утро он не один час проводил за ритуалами богослужения, предлагая *пуджу*¹⁷ Господу Шиве. Мы, дети, вставали рано и приносили цветы и листья из внутреннего двора для его подношений. Дед следил, чтобы я приготавливал порошок сандалового дерева для богослужения и сидел подле него, в то время как он читал священные мантры.

Иногда во время чтения люди, например деревенский Пател, приходили, чтобы увидеться с ним. Тогда дедушка прекращал произнесение мантр и разговаривал с ними. После их ухода он возобновлял чтение. Иногда он забывал, на чём остановился, и обращался ко мне: «Ну-ка, Винья, докуда я дочитал?» Если я помнил, я говорил ему, но если я тоже забывал, мантры нужно было читать с самого начала. Иногда до завершения чтения могла пройти пара часов.

Однажды утром, когда мне было семь или восемь лет, дедушка уселся по своему обыкновению, чтобы начать богослужение, и заметил, что на святом образе сидит скорпион. Все начали кричать: «Скорпион! Скорпион! Убейте его!» Дедушка остановил их и сказал серьезно: «Скорпион нашел прибежище в Господе. Он в Его храме. Пусть никто его не трогает». Эти слова прозвучали как строка из упанишад. Дедушка продолжил пуджу, предлагая цветы, сандал и воду, и затем завершил ритуал. А скорпион всё это время оставался неподвижен. Только когда всё закончилось, он слез и уполз. Этот случай произвел на меня глубокое впечатление. К тому, кто находит прибежище в Господе, стоит относиться с уважением, кто был это ни был.

Я помню другой случай. Мальчик, который жил с нами, стащил немного *гура*¹⁸. Бабушка поймала его и пожаловалась на него дедушке, называя его вором. «Нет, – сказал дедушка, – он не вор. Что с того, что он взял сахар, не спросив нас? Это его дом не менее, чем наш, и сахар также его сахар. Если бы он попросил, то получил бы его. Сейчас он взял его без спроса, но это не стоит называть воровством». Затем дедушка послал за тем мальчиком и сказал ему: «Послушай, паренёк, когда ты захочешь кусок сахара, просто попроси, и ты непременно его получишь. Но вот еще что: когда ты взял сахар, ты помыл руки?» «Нет, не помыл», – сказал мальчик. «Тогда в будущем, – сказал дедушка, – сначала помой руки, потом попроси, потом бери столько сахара, сколько хочешь». С тех пор тот мальчик смог мало-помалу побороть свою привычку к мелкому воровству.

В последующие годы нам пришлось иметь дело с парнем в нашем ашраме, который тайком курил *биди*¹⁹. Он приобрёл эту привычку в студенческом общежитии, где жил до этого. Тем не менее работу в ашраме он выполнял очень хорошо. Однажды один из ашрамитов поймал его за курением и привел ко мне. Я видел, что бедный парень ужасно напуган. «Пойдём, – сказал я, – не бойся. В конце концов, многие великие люди курили; в этом нет ничего плохого. Плохо скрывать это. Поэтому я выделяю тебе маленькую комнату, где ты сможешь курить открыто, и каждую неделю буду давать тебе пачку биди».

¹⁷ Церемониальное поклонение.

¹⁸ Неочищенный коричневый сахар.

¹⁹ Деревенские дешевые сигареты, скрученные вручную.

Некоторым ашрамитам это совсем не понравилось, и мне пришлось объясниться перед ними. «Курение – вредная привычка, без сомнения, – сказал я. – Мы здесь не курим, и парень знает это. Но у него произошло привыкание, а также он взял в привычку пытаться скрыть это, что ещё хуже. Так что это наш долг – дать ему возможность изменить эти привычки своими собственными усилиями. Такова ахимса, ненасилие. Ахимса очень терпелива и многострадальна. Нам не следует делать проблему из каждого пустяка».

Однажды, когда дедушка сел, чтобы провести пуджу, ему стало холодно и его начала бить дрожь; к тому же, у него был жар. Он не был готов позволить этому недомоганию помешать богослужению в течение следующих двух или более часов, поэтому, когда начался озноб, он пошел прямо к водоему и прыгнул в него. Бабушка вздрогнула: резкое движение застало ее врасплох. Дедушка – он был хорошим пловцом – плавал по водоему минут пять, а затем вылез, обтерся и продолжил пуджу. Я видел это собственными глазами, и позднее, в течение моих пеших странствий, я также обнаружил, что нет никакого вреда в том, чтобы промокнуть насквозь. Вода сама по себе полноценное лекарство, поэтому-то Веды и дают ей название «универсальное лекарство».

На празднование Ганеша-чатуртхи мы установили дома образ Ганапати²⁰. Дедушка обычно делал его своими руками, при участии детей. Мы готовили порошок сандалового дерева, и он использовал его для изготовления образа. После установки проводились пуджа и арати (подношение огней), и в течение нескольких последующих дней дома была праздничная атмосфера.

Затем, на десятый день, образ выносили из дома и погружали в воду. Когда я был ребенком, это меня сильно расстраивало: мы так усердно работали, чтобы сделать его, мы почитали его и так долго поклонялись ему, а теперь мы не просто избавлялись от него – мы торжественно отмечаем его затопление, как празднество, с песнями и музыкой. Только позже я усвоил смысл этого обычая. Индуистское учение сплетает воедино почитание образа и абсолютную незначительность его. Но его не следует самым безжалостным образом ломать, его нужно с почтением отпустить. Обычай взывания-погружения – символ великой красоты. Мы должны стремиться к отрешенности, которая позволит нам, когда время придет, оставить наши лучшие творения.

Дедушка соблюдал обеты и регулярно постился. Одним из таких постов была Чандраяна – пост в честь Луны. В первый лунный день принимают одну ложку пищи, во второй день – две ложки, и так далее: количество увеличивается, пока она прибывает, до тех пор пока в полнолуние не доходит до пятнадцати ложек. Потом, когда Луна убывает, количество ложек уменьшается – одна за одной, – и затем в день, когда луны не видно, соблюдается полный пост. Когда дед соблюдал Чандраяну, он предлагал пуджу Луне каждый день с ее восходом, и после совершения обрядов он ел столько пищи, сколько было предписано. Но восход Луны разнится от дня ко дню: он мог случиться вечером, или в полночь, или в предрассветные часы, когда я крепко спал. Тогда дедушка просил бабушку разбудить меня, и она вытаскивала меня из кровати, чтобы я посидел с дедушкой на пудже. Я был в полудреме, но, несмотря на это, когда пуджа подходила к концу, моя рука была вытянута для *прасада*²¹. И дед клал в мою протянутую руку маленькую часть от его собственной порции на тот день.

За чистоту духа – какой бы я ни обладал, – я должен поблагодарить своего дедушку. Для меня это его величайшее наследство. Безусловно, он проявлял ко мне самую обыкновенную доброту: давал мне сладости и так далее, но чего я никогда не забуду – это духовный прасад,

²⁰ Ганапати, или Ганеша, – индуистское божество с головой слона. Ганеша-чатуртхи – праздник, посвященный Ганеше, который начинается на четвертый день лунного месяца и длится вплоть до четырнадцатого дня.

²¹ Еда, предлагаемая Богу, а позднее распределяемая между преданными.

который я получил; впечатление, произведенное на мой ум, когда он будил меня – даже посреди ночи, – чтобы получить *даршан*²² Господа. Это был его величайший дар.

²² *Даршан* буквально означает «видение» или «взгляд». Считается, что взгляд на святого человека приносит смотрящему духовную пользу.

3

Моя мать

Безупречная преданная

Ничто не сравнится с той ролью, которую в формировании моего ума сыграла мать. Я проводил время в обществе многих хороших людей; я читал книги многих из великих, наполненные мудростью, пришедшей с опытом. Но если бы я мог положить всё это на одну чашу весов, а на другую – то, что я узнал об истинной преданности от своей матери, вторая чаша имела бы больший вес.

Мама была по-настоящему выдающейся преданной. Сначала она подавала еду всем в доме и заканчивала остальную работу по хозяйству, затем, перед тем как самой приступить к еде, она садилась перед образом Господа и проводила ритуал богочитания, предлагая огни и цветы традиционным способом, как это делают и все остальные. Однако преданность в ее сердце открывалась взгляду, когда она совершала простираие перед Господом по окончании пуджи. Склоняясь перед ним, она хватала себя за уши²³ и вслух молилась: «О Господь этой безграничной Вселенной, прости мне мои прегрешения». В этот момент глаза ее переполнялись слезами, и они сбегали по ее щекам. Такие слёзы не могут быть результатом волевого усилия; они могут изливаться только из сердца, переполненного преданностью. Конечно, это довольно обычно для нас – простого народа – проливать слёзы, созерцая божественные образы, по особым случаям, таким как Рамнавами или Кришнаштами²⁴. Но я наблюдал, как мама заливалась слезами каждый день, на обычной ежедневной пудже, что невозможно без искренней преданности. Из всех моих драгоценных воспоминаний о матери эти наиболее ценны.

Мама была обычной домохозяйкой, целый день занятой работой, но мысленно она ежеминутно памятовала Бога. Она пребывала в миру, но мир не был ни в ее уме, ни на ее устах. Мы никогда не слышали, как она произносит грубое слово. С самого утра, встав с постели, она повторяла имя Бога; когда она сидела и молола зерно, она пела песни, восхваляющие Господа. Все ее песни были песнями почитания, и она пела их с удивительной любовью и преданностью. У неё был очень мелодичный голос, и она полностью растворялась в своем пении.

Однажды я сказал ей: «Мама, ты должна петь новую песню каждый день. Вчерашняя песня не годится на сегодня, а сегодняшняя на завтра!» После этого в течение шести месяцев она пела мне новую песню каждый день – так много песен она знала. Она была родом из Карнатаки, где до сих пор проживала ее семья, и она знала песни на каннада, а не только на маратхи. Что бы мама ни делала, совершала омовение или готовила, она внутренне была поглощена песнями преданности, и так глубоко, что периодически одно из блюд оказывалось пересолённым. Сама она никогда не ела, пока все остальные не поедят и пока она не завершит свою ежедневную пуджу. Обычно я первым садился есть, но я уделял очень мало внимания пище; я попросту ел всё, что было передо мной поставлено. Затем приходил мой отец и говорил, что в овощах слишком много соли.

Вечером мама бралась за меня: «Почему ты не сказал, что овощи были пересолены?»

²³ Традиционный жест покаяния.

²⁴ Празднование Дня рождения Шри Рамы и Шри Кришны.

«Почему ты не попробовала их и не узнала сама?» – отвечал я. Но это не казалось ей правильным. Разве возможно было вкушать еду до того, как она завершит богослужение и сделает свое подношение?

Мать относилась с большим уважением к моему отцу, но она уделяла много внимания и тому, что говорил я. Например, как-то она решила преподнести Господу одну сотню тысяч зёрен риса. Каждый день она брала из пригоршни одно зернышко, чтобы сделать подношение, при этом считая каждое. Отец увидел, что она делает, и сказал: «Зачем ты так делаешь? Почему бы не отвесить одну *толу*²⁵ риса и не посчитать количество зерен в ней? Тогда ты без труда узнаешь, сколько тол в сотне тысяч зерен, и сможешь добавить половину толы сверху, чтобы быть уверенной, что у тебя получилась вся сумма».

Мама не знала, что на это ответить, и поэтому, когда я пришёл домой тем вечером, она спросила меня: «Винья, вот что предлагает твой отец. Что ты об этом думаешь?» Я сказал: «Что ж, я думаю, что твое подношение сотни тысяч рисовых зерен – это не просто подсчет или арифметика. Это дело преданности, совершаемое во имя Господа и святых. С каждым посчитанным зернышком твой ум фиксируется на Его имени, поэтому тебе стоит и дальше считать одно за другим». Мама была очень рада и рассказала об этом отцу.

Когда наступал праздник Нагапанчами²⁶, мама имела обыкновение предлагать пуджу Нагу и просила меня нарисовать для нее Божественного Змея. «Мама, ты можешь купить красивый рисунок Бога-Змея на базаре», – говорил я ей. «Возможно. Но я не хочу их красивый рисунок, я хочу твой». Такова была ее любовь к своему сыну. Так что я брал маленькую деревянную дощечку и рисовал на ней кумкумом изображение Нага. Каждый вечер она, взывая к Господу, выставляла молоко для сквашивания. «Необходимо ли, – спросил я ее однажды, – привлекать для этого Бога?» «Послушай, сынок, – ответила она, – конечно, мы, со своей стороны, делаем всё, что можем, но хорошо это получается только по Божьей милости». Она знала, что место есть и для человеческих усилий, и для Божественной милости.

Учительница хорошего поведения

Когда я был ребенком, мама настаивала, что я должен каждый день поливать растение *тулси*²⁷. Однажды после купания я напрямую направился на кухню и уселся, чтобы приступить к еде. «Ты полил тулси?» – спросила мама. «Нет», – ответил я. «Тогда иди и сделай это сейчас. Я покормлю тебя, только когда ты это сделаешь». Этот урок я запомнил надолго. Она дала мне много всего другого – молоко, чтобы пить; еду, чтобы есть; она оставалась ночь за ночью, чтобы заботиться обо мне, когда я болел, – но воспитание надлежащего человеческого поведения было ее величайшим даром из всех.

У нас во дворе в Гагоде росло хлебное дерево²⁸. Я тогда был лишь маленьким ребёнком, и как только увидел, что плоды начали расти, стал спрашивать, когда мне можно будет их съесть. Когда они наконец созрели, мама наполнила дольками фруктов чаши из листьев и сказала мне, чтобы я отнёс их в качестве подарков в каждый дом по соседству. Когда все они были разнесены, она посадила меня рядом с собой и дала мне несколько сладких кусочков. «Винья, – сказала она, – сначала мы должны отдавать, а потом брать сами».

²⁵ Одна тола равна 11,3 грамма.

²⁶ Праздник, посвященный богу в форме змеи.

²⁷ Священное целебное растение.

²⁸ Хлебное дерево (лат. *Artocarpus altilis*) – однодомное дерево семейства Тутовые, вид рода Артокарпус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.